

Научная статья

УДК 316.6:351.741(470)

Евгений Олегович Кубякин¹, Антон Андреевич Кочкин²

¹ Академия управления МВД России, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, tspoz@yandex.ru

² Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, kochkin@a-kochkin.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ

Аннотация. В настоящей работе рассмотрены теоретико-методологические концепции особенностей функционирования сознания индивида, проходящего службу в следственных подразделениях органов внутренних дел (далее – ОВД), которые влияют на формирование паттернов его поведения. Современные представления о корреляции сознания человека с его поведением актуализируются в том случае, когда речь идет о государственных структурах, где поведение индивида детерминировано особенно тщательно, что может быть обусловлено, с одной стороны, традицией, с другой стороны, теми целями, которые преследует данное учреждение. Если говорить о деятельности следственных подразделений ОВД, то существует большое множество нормативных правовых актов, определяющих не только алгоритм действия следователя при расследовании преступлений, но и в целом его поведение на службе. Однако ментальные особенности человека существуют в иной плоскости по отношению к современному российскому законодательству, что тем не менее не умаляет необходимости функционирования правовой системы в государстве и регулирования особенностей поведения сотрудников ОВД на службе и во внеслужебное время, поскольку служба в ОВД преследует цели, направленные на обеспечение социального порядка. Проведенное исследование показывает сложность правового детерминизма поведенческих особенностей сотрудника следственных органов системы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: институционализация, поведение, сознание, следователь, органы внутренних дел, МВД России, социальные практики

Для цитирования: Кубякин Е. О., Кочкин А. А. К вопросу о специфике институционализации неформальных практик следователей органов внутренних дел в контексте теории сознания // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (22). С. 79–85.

Original article

Evgeny O. Kubyakin¹, Anton A. Kochkin²

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, tspoz@yandex.ru

² Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, kochkin@a-kochkin.ru

ON THE ISSUE OF THE SPECIFICS OF INSTITUTIONALIZATION OF INFORMAL PRACTICES OF POLICE INVESTIGATORS IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF CONSCIOUSNESS

Abstract. In this paper, the authors consider some theoretical and methodological concepts regarding the peculiarities of the functioning of the consciousness of an individual serving in the investigative units of the

internal affairs bodies, which affect the formation of patterns of their behavior. Modern ideas about the correlation of human consciousness with their behavior are actualized when it comes to government structures, where the behavior of an individual is determined especially carefully, which may be due, on the one hand, to the tradition, on the other hand, to the goals pursued by this institution. If we talk about the activities of the investigative units of the internal affairs bodies, there are a large number of normative legal acts that determine not only the algorithm of the investigator's actions when investigating crimes, but also their behavior at work. However, the mental characteristics of a person exist in a different field in relation to the modern Russian legislation, which nevertheless does not detract from the need for the functioning of the legal system in the state and regulation of the behavior of police officers at work and off-duty, since service in the internal affairs bodies pursues goals aimed at ensuring social order. The conducted research shows the complexity of legal determinism of the behavioral characteristics of an employee of the investigative bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: institutionalization, behavior, consciousness, investigator, internal affairs agencies, the Ministry of Internal Affairs of Russia, social practices

For citation: Kubyakin E. O., Kochkin A. A. On the issue of the specifics of institutionalization of informal practices of police investigators in the context of the theory of consciousness // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 2 (22). P. 79–85. (In Russ.)

Введение

Сознание выступает в качестве одного из детерминантов поведения сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД). Существующие нормы права, призванные определить границы должного поведения государственного служащего, проходят сквозь «фильтр» индивидуальности конкретного индивида, отраженного в сознании [1]. Результаты действия требований положений нормативных правовых и правовых актов представляется возможным наблюдать на примере сложившихся паттернов поведения следователей в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) с учетом особенностей сознательного опыта государственных служащих указанной категории и теоретико-методологических концепций, раскрывающих взаимосвязь между поведением человека и его сознанием. В этой связи целью настоящего исследования является изучение основных теоретических концепций, рассматривающих индивидуальное сознание человека как средство формирования его повседневных неформальных практик [2].

Методы

Для понимания значения индивидуального сознательного опыта сотрудников следственных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, лежащего в основе их неформальных социаль-

ных практик [3], целесообразно в качестве основного метода исследования определить сравнительно-сопоставительный анализ. Благодаря данному методу представляется возможным описать и выявить наиболее существенные различия актуальных теоретико-методологических концепций, главным предметом исследования в которых является корреляция сознания индивида с его социальными практиками. Что касается рассмотрения специфики институционализации неформальных социальных практик следователей ОВД с позиции эмпирического познания, то важно отметить, что данный вопрос изучался отдельно [4]. В настоящей работе представляется интересным экстраполировать достижения когнитивистики [5] для понимания повседневной деятельности представителей следственных подразделений системы МВД России.

Результаты

Одним из первых, кто поднимает вопрос сложности описания и фиксации сознательного опыта, является Дэвид Чалмерс [6], предлагающий концепцию «философского зомби». В соответствии с предложенным мысленным экспериментом австралийского философа необходимо вообразить себе человека (следователя ОВД, повара, водителя трамвая), который будет вести себя так же, как и другой человек (другой следователь), но при этом не будет по тем или иным при-

чинам испытывать ощущения, характерные для такого индивида. Например, в результате получения физических повреждений этот человек может показывать, как ему больно, но при этом не испытывать в действительности никаких болевых ощущений или вести себя, как другие люди, но быть, в сущности, подражателем, действующим в отсутствии стимулов. Возможность проверить, как данный человек функционирует на уровне сознательного опыта эмпирическим путем, представляется затруднительной. Можно попытаться создать крайне сложную компьютерную технику, способную распознавать мельчайшие реакции нервной системы человека, иллюстрирующие чувство боли, и измерять мозговую активность. Однако и это, вероятно, не даст утвердительного ответа на поставленный вопрос. Это связано с тем, что «философский зомби» вполне способен имитировать полностью весь спектр человеческих реакций.

Продолжая поиск ответов на заданные мысленным экспериментом вопросы, можно пойти дальше и сказать, что, условно говоря, существующий аппарат, с помощью которого возможно отслеживать реакции человеческого мозга и тела, указывает на то, что «философский зомби» как бы плохо играет следователя, которому больно, поскольку такое устройство показывает, что какая-то часть нервных клеток реагирует так, будто бы в действительности этот следователь и не чувствует боли. Но бывают люди с разным болевым порогом, а также бывают лица с такими ментальными особенностями, на первый взгляд, отличающими их от большей части людей, но кажется, что и такие люди существуют примерно так же, как и другие. Относительно последнего тезиса Эрвин Гоффман пишет: «Я не знаю случаев психопатии, где схожие симптомы не обнаруживались бы среди нормальных людей, которых никому и в голову не придет обвинять в психических отклонениях» [7, с.160].

Экстраполируя идею Д. Чалмерса на деятельность следователя ОВД, необходимо отметить, что, например, «философский зомби» в его работе может проявляться в виде

разности профессиональных потенциалов следователей одного подразделения. Иными словами, менее опытный следователь, недавно принятый на работу в ОВД, может стараться имитировать работу более опытного сотрудника, без скрупулезного изучения требований положений уголовно-процессуального закона («бихевиоральный зомби»).

Таким образом, существенным достижением теории Д. Чалмерса является то, что визуальное инспектирование поведенческих особенностей индивида не дает оснований для наличия сознательного опыта. *Cogito ergo sum* («Я мыслю, следовательно, я существую»), безусловно, но проблема в данном случае заключается в том, как верифицировать это *cogito*.

Концепция «философского зомби» Д. Чалмерса напоминает мысленный эксперимент Джона Серла [8], показывающий несостоятельность теории сильного искусственного интеллекта (далее – ИИ), согласно которой ИИ может обладать некоторыми ментальными способностями, свойственными человеку. Весь смысл мысленного эксперимента Дж. Серла под названием «Китайская комната» сводится к тому, что системе не надо знать и тем более понимать сущность того, что происходит, главное, знать алгоритм действий, дающий адекватный ответ на запрос из вне. Иными словами, необходимо научить систему (машину) эксплицировать наличие определенного знания, генерируемого посредством заранее прописанных алгоритмов, при этом наличие самого знания не требуется. Речь в данном случае идет не столько про саму информацию (тезаурус), которая может достаточно просто храниться и воспроизводиться, например, на компьютере, а скорее о необходимости соотнесения слова с референтом в целях понимания лексического значения слова, что присуще человеку. Можно использовать профессионализмы, характерные для следователей ОВД («возбужденка», «стодвадцатьпятка», «куспировать», «привлеченка»), но это не делает индивида следователем.

Следующим доводом относительно трудности постижения сознательного опыта явля-

ется то, что знания об особенностях того или иного физического или биологического явления ничего не значат для сознательного опыта. Предположим, что необходимо выяснить причины, сформировавшие паттерны поведения следователя таким образом, что он перестал в достаточной степени придерживаться формальных норм, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ и ведомственных нормативных правовых актах². При этом знание, например, о его состоянии здоровья не может нам помочь в понимании истинных мотивов, заставивших его игнорировать требования законодательства Российской Федерации. Допустим, нарушение памяти привело к тому, что сотрудник начал забывать особенности проведения проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144–145 УПК РФ. Такое состояние человека ничего не говорит о качественных характеристиках сознательного опыта: например, один нездоровый следователь может исполнять обязанности строго в соответствии с действующим регламентом, другой – нет. Об этом же говорит Фрэнк Джексон в мысленном эксперименте «Комната Марии» [9]: некая девушка Мэри все знает о цветах, но никогда их не видела, а когда она впервые в своей жизни видит эти цвета, информацией о которых она владела, она получает чувственный опыт, не сводимый к простой информации об особенностях тех или иных цветов.

Более того, когда речь идет о том, что есть следователь, совершающий не совсем приемлемые делинквентные поступки в рабочее время (от курения до коррупции), и есть такой же следователь в этом же территориальном органе МВД России или в любом другом, который работает в соответствии с позитивными нормами права, сознательные мотивы и сознательный опыт у этих сотрудников могут быть совершенно разными.

Основная проблема заключается в том, что никакие практики не дают возможности в действительности поставить себя на место другого человека, потому что чтобы это сделать, надо иметь аналогичный сознательный опыт, который давал бы осознание самого себя на этом месте или в определенной социальной роли.

Человек не может получить сознательный опыт другого человека, потому что существование двух людей в одинаковых условиях не делает их одинаковыми, даже когда речь идет, например, о близнецах. Наиболее ясно это прослеживается с позиции концепции Томаса Нагеля [10]. Нагель дал понять, что, возможно, единственное свойство сознания, которое характеризует его в полной мере и которое показывает причину огромного спектра вариативности поведенческих особенностей даже среди членов одного коллектива на базовом уровне, это «быть чем-то», то есть только индивидуальное сознание существа может свидетельствовать о том, что это сознание есть и оно есть у него.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что с позиции теории сознания невозможно дать удовлетворительный ответ относительно причин формирования таких повседневных социальных практик следователей, которые в той или иной степени могут отклоняться от доминирующих требований, установленных нормативными правовыми актами, поскольку та социальная реальность, которая конструируется посредством действий позитивных норм права, не супервентна [11] по отношению к свойствам индивидуального сознания сотрудника. Другими словами, неформальные практики следователей не могут быть сведены к сознательным актам, интенциям отдельного сотрудника следственных подразделений ОВД.

Хотя здесь следует пояснить, что иногда социальные практики все-таки могут

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Об органах предварительного следствия в системе МВД России : приказ МВД России от 9 янв. 2018 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

отражать интенцию сознания сотрудника ОВД, не свойственную сознанию, вовлеченному в определенный процесс. Например, один из авторов настоящего исследования, проходя службу в органах предварительного следствия системы МВД России Краснодарского края, находясь в следственном изоляторе (далее – СИЗО) в целях производства следственных действий по уголовному делу, обратил внимание на то, что некоторые следователи не только «легче» проводят следственные действия в стенах закрытого учреждения, предназначенного для ограничения свободы подозреваемых и обвиняемых, но и могут выделять время для решения иных оперативно-служебных задач посредством телефонной связи (если такой следователь получил разрешение начальника СИЗО на пронос смартфона на территорию указанного учреждения) или путем обсуждения их с коллегами, которые в этот же момент находятся на территории изолятора. Есть основания полагать, что это зависит как от опыта следователя и стажа его работы в ОВД, так и от уровня правосознания индивида. И в этом месте необходимо вернуться к вопросам специфики сознания, детерминированным требованиями положений нормативных правовых актов и особенностями социальной ситуации [12].

Следует отметить, что понимание некоторых особенностей человеческого сознания не устраняет необходимость создания нормативно-правовой базы, определяющей рамки дозволенного поведения людей в социуме. На конституционно-правовом уровне при поверхностном восприятии может создаться впечатление, что существует контраст правового государства и свободы личности. Однако позитивные нормы права, делегирующие субъективные права, не созданы в целях поощрения произвола в дей-

ствиях людей, на что прямо указывает ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации¹, и не ограничивают его свободу.

Заключение

Приведенные в настоящей работе теоретические положения относительно специфики функционирования сознания индивида призваны указать на сложность определения мотивов какого-то определенного типа поведения, в том числе делинквентного, но прямо не свидетельствуют о поведенческих особенностях. Тот же «философский зомби» становится таковым, если наблюдатель знает, что человек, испытывающий определенные чувства, делает вид, что он их не испытывает. При этом такое понимание не влияет на поведение самого имитатора: имитация становится ясной в том случае, если наблюдателю удастся «попасть за кулисы». Проще говоря, то, как ведет себя человек, и то, почему именно он себя так ведет, – разные вопросы.

Важно помнить и про этическую сторону поведения сотрудников ОВД, поскольку данный аспект основательно связан с необходимостью создания благоприятного образа государственного служащего в глазах общественности и поддержания служебной дисциплины при исполнении обязанностей [13]. В частности, в п. 5 Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации указано: «Невыполнение сотрудником этических требований приводит к утере им доброго имени и чести, лишению морального права на уважение, поддержку и доверие со стороны его коллег, руководителей (начальников) и других граждан»².

Таким образом, сотруднику ОВД, если он желает продолжить службу в МВД России, необходимо придерживаться четких правил поведения, установленных федеральным законодательством³ и правовыми актами

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Министерства, независимо от того, какую концепцию целесообразно использовать для описания специфики поведения следователя.

Тем не менее рассмотренные подходы к пониманию особенностей сознания индивида свидетельствуют о том, что крайне затруднительно унифицировать паттерны поведения сотрудников следственных подразделений посредством требований нормативных правовых актов, поскольку ментальные особенности человека находятся в иной плоскости по отношению к законодательству. В то же время невозможно допустить произвол со стороны тех лиц, которые обе-

спечивают состояние законности в обществе во многом благодаря личным примерам правового поведения. Важно также обратить внимание на то, что неправомерное поведение сотрудников следственных подразделений ОВД является не самым частотным феноменом, что не в последнюю очередь связано с личными мотивами и существующими мерами дисциплинарного воздействия. Следовательно, в настоящее время можно говорить о достаточно совершенной системе контроля за соблюдением требований законодательства и правовых актов МВД России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скорикова Ю. Н. К вопросу о соотношении категорий «правосознание» и «правовое поведение» военнослужащих в интеракционистской парадигме юридической психологии // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 1. С. 34–38. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-1-34-38>. EDN TLTKOG.
2. Кубякин Е. О., Кочкин А. А. К вопросу об интерпретации социальных повседневных практик индивида в контексте дихотомии «субъект-объект»: от антропологии к социологии повседневности // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 81–89. EDN AKDNUC.
3. Кочкин А. А. Основные подходы к рассмотрению неформальных социальных практик // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2024. № 5 (106). С. 108–115. EDN CCBDBG.
4. Кочкин А. А. Неформальные социальные практики на примере деятельности следователей ОВД // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 10 (126). С. 23–28. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2024.10.2>. EDN VNYWHT.
5. Кочкин А. А. Проникновение преступной философии в социальную среду посредством компьютерной информации // Цифровая трансформация системы МВД России : сб. науч. статей по материалам Междунар. форума : в 2 ч., Москва, 20 окт. 2022 г. / под ред. И. Г. Чистобородова. М. : Академия управления МВД России, 2022. Ч. 1. С. 405–416. EDN KSGGBA.
6. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. В. Васильева. М. : УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.
7. Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / пер. с англ. А. С. Салин ; под ред. А. М. Корбута. М. : Элементарные формы, 2019. 464 с.
8. Searle J. Minds, brains, and programs // Behavioral and brain sciences. 1980. Vol. 3, Issue 3 (September). P. 417–424.
9. Jackson F. Epiphenomenal Qualia // Philosophical quarterly. 1982. Vol. 32, Issue 127. P. 127–136.
10. Nagel T. What is it like to be a bat? // The philosophical review. 1974. Vol. 83, No. 4 (October). P. 435–450.
11. Davidson D. Mental events // Experience and theory / L. Foster, J. W. Swanson (eds.). L. : Humanities press, 1970. P. 79–101.
12. Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации / под ред. М. М. Соколова. М. : Элементарные формы, 2017. 382 с.
13. Кочкин А. А. К вопросу о неформальных практиках следователей в МВД России // Новые контуры социальной реальности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (XII Северо-Кавказские социологические чтения), Ставрополь, 15 нояб. 2023 г. Ставрополь : СКФУ, 2023. С. 61–65. EDN GSZHLR.

REFERENCES

1. Skorikova Yu. N. On the question of the relationship between the categories of “legal awareness” and “legal behavior” of military personnel in the interactionist paradigm of legal psychology // Psychology and pedagogy of service activity. 2024. No. 1. P. 34–38. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-1-34-38>. EDN TLTKOG (In Russ.)
2. Kubyakin E. O., Kochkin A. A. On the interpretation of social everyday practices of an individual in the context of the “subject-object” dichotomy: from anthropology to the sociology of everyday life // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 2 (18). P. 81–89. EDN AKDNUC. (In Russ.)
3. Kochkin A. A. Basic approaches to the consideration of informal social practices // SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture. 2024. No. 5 (106). P. 108–115. EDN CCBDKG. (In Russ.)
4. Kochkin A. A. Informal social practices on the example of the activities of internal affairs bodies’ investigators // Society: sociology, psychology, pedagogics. 2024. No. 10 (126). P. 23–28. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2024.10.2>. EDN VNYWHT. (In Russ.)
5. Kochkin A. A. The penetration of criminal philosophy into the social environment through computer information // Digital transformation of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia : collection of scientific articles based on the materials of the International forum : in 2 parts, Moscow, October 20, 2022 / ed. by I. G. Chistoborodov. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. Part 1. P. 405–416. EDN KSGGBA. (In Russ.)
6. Chalmers D. The conscious mind: in search of a fundamental theory / transl. from English by V. V. Vasilyev. Moscow : URSS: LIBROCOM Book House, 2013. 512 p. (In Russ.)
7. Goffman E. Total institutions: essays on the social situation of mentally ill patients and other residents of closed institutions / transl. from English by A. S. Salin ; ed. by A. M. Korbut. Moscow : Elementarnye formy, 2019. 464 p. (In Russ.)
8. Searle J. Minds, brains, and programs // Behavioral and brain sciences. 1980. Vol. 3, No. 3 (September). P. 417–424. (In Eng.)
9. Jackson F. Epiphenomenal Qualia // Philosophical quarterly. 1982. Vol. 32, Issue 127. P. 127–136. (In Eng.)
10. Nagel T. What is it like to be a bat? // The Philosophical review. 1974. Vol. 83, No. 4. P. 435–450. (In Eng.)
11. Davidson D. Mental events // Experience and theory / L. Foster, J. W. Swanson (eds.). L. : Humanities press, 1970. P. 79–101. (In Eng.)
12. Goffman E. Behavior in public places: notes on social organization / ed. by M. M. Sokolov. Moscow : Elementarnye formy, 2017. 382 p. (In Russ.)
13. Kochkin A. A. On the issue of informal practices of investigators in the Ministry of Internal Affairs of Russia // New contours of social reality : materials of the All-Russian scientific and practical conference (the 12th North Caucasian Sociological Readings), Stavropol, November 15, 2023. Stavropol : North Caucasus Federal University, 2023. P. 61–65. EDN GSZHLP. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кубякин Е. О. – доктор социологических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации;

Кочкин А. Н. – без ученой степени.

Information about the authors:

Kubyakin E. O. – Doctor of Sociology, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation;

Kochkin A. A. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication 20.06.2025.